

Все две недели проходили по одной и той же схеме: уютная, нежная близость сменялась короткими вспышками неловкости, затем снова близость. Гарри знал, какая часть ему нравится больше всего. Самый пикантный из этих моментов произошел за два дня до того, как они должны были вернуться в школу. Большая часть дня прошла в обсуждении школьных вопросов, но Гарри удалось, на удивление без особых усилий, убедить Гермиону давать больше уроков гольфа; он просто не мог овладеть этой хваткой...

После ужина в тот вечер все уселись смотреть фильм по телевизору. Гарри снова сел на диван, а Гермиона расположилась рядом с ним слева. Уже через двадцать минут стало ясно, что подвиги Джона Рэмбо не интересуют Гермиону. Она суетливо переминалась с ноги на ногу, каждый раз придвигаясь ближе к Гарри. Вскоре Гарри потерял интерес к фильму, увлекшись бедрами Гермионы, приближавшимися к его собственным. Его дыхание часто задерживалось в лёгких, сердце колотилось о рёбра, а в животе зарождалось странное чувство тошноты.

Затем она сделала это: ее рука небрежно опустилась с его ноги на мизерное пространство между ними на диване. Гарри услышал знакомый голос в своем сознании.

Давай, Гарри, сделай это... помни, это всего лишь снитч... протяни руку... нет, нет, нет... не тянись, тянись... давай, Гарри... где же этот смелый гриффиндорский дух, а?

Очевидно, он был в Гермионе. Даже не взглянув на Гарри, она протянула руку и взяла его руку в свою. Волны и волны покалывающего электричества пронеслись по руке Гарри и поднялись вверх по его телу. Его мозг был перегружен, кожу покалывало, сердце так сильно билось о грудную клетку, что казалось, оно может вырваться наружу в любую секунду. Возможно, она могла это услышать. Она осторожно сжала его руку, словно желая убедиться, что все в порядке. Он сжал ее в ответ, глядя большим пальцем тыльную сторону ее ладони, и она улыбнулась, потеряв всякое притворство, и устроилась рядом с ним. Она положила голову ему на плечо, и это было слишком. Головокружение было почти невыносимым.

Они пролежали так до конца фильма, двигаясь только тогда, когда миссис Грейнджер зашевелилась и заявила, что ложится спать. Гарри ответил тем же: его тело и разум слишком сильно разваливались на части. Ему нужно было бежать, пока он не взорвался.

Спокойной ночи, Гарри, - улыбнулась Гермиона, - увидимся утром".

Гарри уставился на нее и ухмыльнулся так широко, что ему показалось, будто лицо отвалится. Он ничего не сказал; взгляд Гермионы говорил о том, что она тоже чувствует все то, что в этот момент перевернуло его мир.

На следующее утро Гарри проснулся от щебетания и трепета, которые пульсировали в его теле предыдущей ночью, лишив его сна. Он задался вопросом, где в этот момент находится Гермиона, и ему показалось странным, что её нет в его комнате. Он уже привык к тому, что, просыпаясь, находил её рядом с собой, чай и тосты стояли на прикроватном столике, а перед ней лежал раскрытый "Ежедневный пророк". Но не этим утром, и от этого у Гарри заныло в животе.

В голове пронесся целый ряд ужасающих мыслей: сожалеет ли она о прошлой ночи? Может, ей стыдно или неловко, и этим объясняется её отсутствие сегодня утром? Может быть, в тот момент она считала это хорошей идеей, а теперь жалеет, что взяла Гарри за руку, когда они притворялись, что смотрят фильм прошлой ночью? Одно можно было сказать точно: ему нужно поговорить с ней, и как можно скорее.

Он нашёл её внизу, на полпути к завтраку. Она застенчиво улыбнулась ему, когда он вошел на кухню и сел напротив нее. Она слегка покраснела, ее взгляд, казалось, был устремлен на что угодно, только не на Гарри. Но Гарри был настроен решительно; он не сводил с нее глаз до тех пор, пока это было возможно, не желая показаться грубым или назойливым. Раз или два он ловил ее взгляд, когда она бросала на него взгляд, выражение ее лица было трудно прочесть, но, по крайней мере, подумал Гарри, она все еще может смотреть на меня.

Гарри впервые за те две недели, что они провели вместе, почувствовал себя по-настоящему неловко с Гермионой. Как только это чувство возникло у него, Гермиона, казалось, уловила его, пристально посмотрев на него и одарив его сияющей улыбкой. Гарри нервно усмехнулся в ответ, но Гермиона, похоже, не была уверена, что решила проблему неловкости Гарри. Она подвинулась, чтобы сесть рядом с ним, и заговорила хриплым шепотом, словно стараясь быть незаметной.

Давай просто переживем сегодняшний день, - задыхаясь, сказала она, - а потом разберемся со всем в школе. Хорошо?

Да, хорошо, - сказал Гарри, чувствуя, как его охватывает расслабление; по крайней мере, часть неловкости исчезла.

Отец Гермионы согласился отвезти их в Лондон, чтобы купить школьные принадлежности к новому семестру. В списках книг Хогвартса не было никаких сюрпризов: последняя версия Стандартной книги заклинаний (6 класс) и повышение уровня знаний до продвинутого с промежуточного по всем предметам, которые они будут изучать в годы NEWT. Гермионе пришлось купить гораздо больше книг, так как она изучала гораздо больше предметов, чем казалось ни возможным, ни необходимым, ни полезным.

Высадив мистера Грейнджера на маггловской стороне "Липового котла", Гарри и Гермиона пробрались через паб, который был гораздо более людным, чем Гарри мог припомнить, и вышли на Диагон-аллею. Заглянув в Гринготтс, чтобы запастись деньгами, они направились по забитой, извилистой улице к "Флуриш энд Блоттс". Только они вышли из Гринготтса, как воздух пронзил пронзительный голос, кричавший в их сторону.

"Ооо, смотрите, кто это! Это была Пэнси Паркинсон, шестикурсница Слизерина, которая входила в банду Драко Малфоя. Это Потти Поттер и Мадблад! Боже, Грейнджер, я думала, ты должна быть умной. Разве никто не говорил тебе, что встречаться с Поттером - это как билет на смерть? Если не от Сами-Знаете-Кого, то от полиции дурного вкуса!"

Банда уродливых и пятнистых девчонок, сопровождавших Пэнси, смеялась над тем, как она

издевалась над Гарри. Гермиона потеряла свой слегка нервный вид, который она носила всё утро, и вернулась к огненному взгляду, которым она смотрела на Дадли.

Не заставляй меня преследовать тебя, Паркинсон! Гермиона нахмурилась и крепко сжала руку Гарри: "Я не хочу делать тебя еще более уродливым, чем ты есть, твоя мать может попытаться продать тебя на рынке".

Девочки из Слизерина перестали смеяться и приняли угрожающий вид, в стиле Крэбба и Гойла. Каждая из них была примерно в два раза выше Гермионы (а некоторые и вовсе были похожи на Крэбба и Гойла), у некоторых были видны следы волос на лице, а у некоторых - шрамы от прыщей. Гарри потащил Гермиону так, чтобы оказаться лицом к лицу со Слизеринцами, и достал свою палочку. Они бросили на него опасливые взгляды; очевидно, что мальчик, переживший нападение Лорда Волдеморта, представлял собой совсем другую перспективу, и они отступили в сторону, выкрикивая в адрес Гермионы бессловесные угрозы.

Почему ты позволяешь себе все эти оскорбления?" - спросил Гарри, - "Они ведь направлены на меня".

Люди всегда придираются к тебе, Гарри, - сказала она с жалостью, - это несправедливо, и я больше не буду этого терпеть".

<http://tl.rulate.ru/book/105502/3730968>